

Е.Н. Шульга

Символический интеракционизм и проблема понимания

Коммуникативный аспект человеческих взаимодействий интересен для современных исследователей (философов, психологов, социологов) в силу того, что коммуникация, сопровождая повседневную жизнь людей, затрагивает фундаментальные аспекты человеческого понимания. И если эпистемология рассматривает проблематику понимания в связи с познанием, указывая на понимание как на важный элемент, организующий процесс познания, то философская герменевтика изучает понимание в связи с интерпретацией, придавая эпистемологический смысл всему, что подлежит истолкованию. Фундаментальность понимания очевидна, в особенности, когда объектом исследования выступает соотношение «коммуникация – понимание». Коммуникация предполагает понимание. Со своей стороны взаимопонимание людей – это и есть результат успешной коммуникации. Ярко выраженная социальная направленность коммуникации как деятельности, изучение многообразных условий таковой, наконец, выдвигание основополагающих концептуальных положений, касающихся сути процесса понимания в связи с коммуникацией – все это круг философских вопросов, относящихся к области социологической науки.

Современные историки науки выделяют в социологии две большие группы теорий. Одну образуют *структурные* (или макросоциологические) парадигмы, в которых общество рассматривается как единое целое. (Эту идею отстаивал марксизм, а также функционализм в лице О.Конта, Г.Спенсера, Э.Дюркгейма,

Т.Парсонса.) Другую группу составляют *интерпретирующие* (или микросоциологические) парадигмы. Именно в них поведение людей предстает как социальное действие, нуждающееся в интерпретации. Сторонники микросоциологической парадигмы изучают не само общество как целостность со всеми входящими в него социальными институтами (государство, религия, семья и т. д.), а исключительно человеческие взаимодействия. Те, кто придерживается интерпретирующей парадигмы, сходятся во мнении, что ученым следует понять поведение людей для того, чтобы раскрыть то уникальное значение, которое сами люди ему придают. Это предполагает наблюдение за поведением людей в различных ситуациях, объяснение мотивов человеческих поступков и действий и т. д. Основываясь на характере мотивации, систематизируя и придавая им поведенческий смысл, ученые стремятся понять специфическую природу коммуникации.

Попытку познать природу человеческих взаимоотношений и при этом не ограничиваться изучением мотивов поступков людей мы обнаруживаем в теории (концепции) «символического интеракционизма». Эта концепция интересна тем, что в ней находит отражение устремленность исследователей к познанию природы понимания на его сущностном уровне и рассматриваемой в контексте реализации социальной деятельности людей. Две важные позиции определяют проблемное поле данной концепции – это жизнь (рассматриваемая с точки зрения ее символического воплощения) и язык (речь), прежде всего, символы языка. Символический интеракционизм выдвигает идею, согласно которой социальный мир людей может быть представлен как бесконечное множество разнообразных символов. Символы придают значимость человеческой жизни и создают тем самым основу для интеракции – взаимодействия людей друг с другом в процессе коммуникации.

Но символ не просто обозначает какой-то предмет или событие. Символ описывает эти события особым образом – он опосредует и одновременно определяет реакцию на него. Это направляет восприятие человека на постижение значений тех общепринятых символов, которые обеспечивают интеракцию. Для осуществления интеракции каждый, кто вовлечен в коммуникативный процесс, должен распознавать и одновременно интерпретировать намерения других людей. Такой процесс обеспечивается благодаря

«принятию роли», которая примиряет одного человека с другим в процессе общения; и эти роли могут меняться местами в процессе коммуникации.

На первый взгляд кажется, что для распознавания намерений партнера по общению человеку достаточно включить собственное воображение или поставить себя на его место. Однако для понимания истинных намерений и скрытых мотивов поступков людей одного воображения бывает недостаточно, поскольку *понимание другого* оказывается возможным в силу большой приспособляемости человека к внешней среде. Такая способность (понимать) квалифицируется как эволюционно эпистемологическая характеристика человеческих познавательных возможностей.

Конечно, существуют и другие объяснения. Например, представители *феноменологической школы* пытаются постичь внутренние стороны сознания, феномены сознания, изучая способы, с помощью которых люди классифицируют и осмысливают окружающий мир. Отталкиваясь от феноменологического подхода, предложенного Э.Гуссерлем, ученые применяют его к анализу социологических явлений. Они концентрируют внимание на понимании значения социальных явлений в большей степени, чем на объяснении этих же явлений рациональными методами. В частности, А.Шюц полагает, что способ, с помощью которого можно классифицировать окружающий мир, не является сугубо индивидуальным – на самом деле люди понимают друг друга, поскольку используют общепринятые представления (социально детерминированные типизации), которые как раз и обеспечивают социальное общение.

В противоположность феноменологической парадигме, представители *этнометодологии*, напротив, рассматривают социальную жизнь как заведомо упорядоченную. Основным доводом здесь является убеждение в том, что люди активно заняты приданием смысла своей жизни. Например, этнометодология в лице Г.Гарфинкеля и Д.Циммермана изучает методы, с помощью которых люди могут воспроизводить социальный мир, а также выясняет способы и технические приемы получения смысла.

В дискуссиях на тему способов функционирования социального мира смыслов и для объяснения специфики встроенности человеческого понимания в мир общественных связей социологи используют достижения герменевтики, выясняя, как происходит

вплетение интерпретирующего субъекта в связи, возникающие между интересубъективным миром общества и субъективным смыслом деятельности индивидуумов.

Между тем не только теоретический аппарат герменевтики может рассматриваться в более широком социально-культурном контексте, но и сами постулаты философской герменевтики получают новый смысл и новое направление развития, обогащаясь за счет результатов социальных теорий. В нашем случае это значит, что социологическая проблематика символической интерактивности может рассматриваться в проблемном поле философской герменевтики.

Обозначая проблемное поле соотношения «понимание – коммуникация», напомним, что герменевтика представляет собой теорию операций понимания в ее отношении к интерпретации текстов. И хотя при интерпретации символов феноменологии религии, психоанализа или в сфере феноменологии духа используются три самостоятельные методологии, все они движутся в направлении познания онтологических корней процесса понимания. Поэтому философской герменевтике предстоит соединить эти интерпретации и стать экзегезой всех значений, существующих в мире культуры. Таким образом, культура включается в контекст герменевтического анализа, где «текст культуры» предстает как историческая данность. Такой контекст рассмотрения соотношения «понимание – коммуникация» делает актуальным проблему распознавания смысла социальных действий людей и эти действия, в том числе действия коммуникативного свойства, могут рассматриваться как «тексты» с особым содержанием – сложным и нуждающимся в понимании и истолковании.

Часто «сюжеты» коммуникации являются уникальными настолько, насколько уникальна каждая интеракция. Кроме того, обращенность к человеку, оценка смысла его коммуникативной деятельности как включенной в «контекст культуры» делает актуальным использование герменевтического анализа. И здесь особую важность приобретают как специфические ментальные характеристики и личностные особенности человека, обусловленные его принадлежностью к той или иной культурной традиции, так и сугубо человеческие качества – его познавательные способности. Другими словами, взаимопонимание людей возможно в силу

общей природы человеческого мышления, в силу обладания интеллектом и когнитивными способностями. В то же время особенности менталитета в распознавании смысла интерпретируемой информации в процессе общения, безусловно, сказывается на характере воспринятого и на содержании понимаемого, делая открытой ту или иную интерпретацию.

Опираясь на общепринятые положения в распознавании условий человеческого мышления, воображения, понимания, принимая во внимание, что этими качествами уже обладают люди, попытаемся найти убедительные аргументы в пользу идеи о возможности участия герменевтического подхода в исследовании специфики коммуникации. Философская герменевтика рассматривает способность к символизации в качестве одной из основных характеристик феномена человека и предлагает редукцию как условие распознавания возможности символической функции как таковой. Основанием этого положения может служить феноменологическая позиция, согласно которой редукция рассматривается как такой изначальный философский акт сознания, с помощью которого сознание отделяется от мира и тогда любое бытие становится для сознания смыслом, релятивным по отношению к сознанию. Онтология понимания (как исходная точка коммуникативной деятельности в связи с задачей понять нечто) имеет место в мире и в бытие. Это значит, что в соотношении «понимание – коммуникация» интерпретация символов мира идет вслед за пониманием, и лишь затем наступает его словесное выражение. Этот процесс происходит практически постоянно, однако при этом мы не попадаем в некий порочный круг, но, напротив, этот процесс (выражение понятого) предстает как живой круг выражений бытия человека в мире в процессе коммуникации.

Для взаимопонимания и понимания *другого* важно, что как слово, так и дискурс в целом обладают символическим значением. Понимание наступает благодаря осознанию смысловой двойственности символа. Дело в том, что семантическая структура символа такова, что смысл его распознается при помощи другого смысла: изначальный, буквальный смысл в нем отсылает к смыслу иносказательному, экзистенциальному, духовному. Тем самым «символ зовет к интерпретации и говорению, между этой способно-

стью символа и временной нагрузкой, – отмечает И.С.Вдовина, – «наличествует сущностное отношение, делающее возможной коммуникацию»¹.

Интерпретация выступает совместно со структурным анализом языка. Интерпретация, сопровождающая коммуникацию, представляет собой реализацию опыта понимания. «Опыт понимания» – это опыт самого в нем содержащегося разума и разумности, где коммуникация – первичное помещение «человека понимающего» в естественную для него социальную среду. Социологически опосредованный «опыт понимания» – это способ человеческого существования, его бытие-в-мире, поэтому опыт понимания не может рассматриваться только как определенная позиция по отношению к самому себе (как опыт самоконтроля над коммуникацией или пониманием). Необходимо смещение акцентов с исследования сферы субъективных смыслов – на познание логики процесса наделения смыслами, возникающими из интересубъективного взаимовлияния в процессе коммуникации. Все это дает основание утверждать, что постулированный образ *интерпретационной социальной теории* нуждается в новом, герменевтическом измерении. Герменевтика выступает здесь в качестве метода истолкования социального мира, предусматривает практику получения смысла, а значит, предполагает выдвижение теории выведения смысла. При этом герменевтика призвана показать, что интерпретация всегда имеет место там, где есть необходимость понять нечто.

Социология, опирающаяся на герменевтический подход и ищущая вдохновение в герменевтике при рассмотрении сущности коммуникации, не ищет источник социальных смыслов только в индивидуальном сознании или исключительно в объективных, внешних по отношению к индивидууму идеях, сводах правил и норм. В центре ее внимания – сфера интересубъективности, лежащая вне оппозиции субъективизм-объективизм. Поэтому, признавая правомерность герменевтического подхода в социологии, мы должны будем конкретизировать теперь наше отношение к пониманию смысла – отныне, в этой парадигме (назовем ее *социальная герменевтика*) смысл должен характеризоваться как результат процесса интерактивной интерпретации, осуществляемой участниками диалога.

¹ Вдовина И.С. От переводчика // Рикёр П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике. М., 2002. С. 19.

Из этого положения следует, что *социальный смысл* не может оставаться исключительно субъективным смыслом, т. к. его статус зависит от диалогового согласования, он привнесен извне, а значит, смысл объективен. Но он также не является исключительно объективным, поскольку не может появиться (не существует) независимо от участников диалога (с их мотивами и субъективными предпочтениями) и вне объединяющего их отношения взаимовлияния. Такая характеристика социального смысла для *социальной герменевтики* не является противоречивой, как это может показаться на первый взгляд – просто я хотела указать на двойственность любых характеристик, касающихся сложных понятий и отражающих реальное положение дел.

Известно, что хорошо обоснованная теория или концепция имеет свои философские основания (онтологические и эпистемологические предпосылки). Она предполагает наличие развитой методологической базы в виде методологических установок и директив. Онтологические принципы герменевтической теории, применяемые в рамках интерпретативной теории (в рамках *социальной герменевтики*), являются следствием положения, согласно которому интерсубъективность социальных смыслов вытекает из практики коммуникативной деятельности. Теоретическое мышление, являясь практикой того же самого рода, стремится к формулировке, описанию и выяснению законов подобной практики. Если же предположить, что уже существует (или допустить, что найдется) достаточно всеобъемлющая герменевтическая теория, опираясь на положения которой удастся вывести принципы конструирования такой теории, то это будет редукция последней к практике коммуникативной деятельности. Такое расширение поля герменевтического исследования означает допустимость (возможность) использования герменевтики как метода выявления смысла «текстов», создающихся и реально функционирующих в границах социального мира, в первую очередь, конечно, внутри коммуникативного пространства.

В подтверждение выдвинутого положения, касающегося перспектив социальной герменевтики, сошлюсь на концепцию Макса Вебера, согласно которой *социологическая теория должна стремиться к объясняющему пониманию социальной деятельности*. Полагаю, что это высказывание можно рассматривать как опре-

деление задачи герменевтической социологической теории. Что касается определения места понимания в указанном контексте, то можно утверждать, что понимание, так или иначе, опережает (упреждает) причинное объяснение внутри любой теории. Тем самым социальная герменевтика (как теория понимания социального мира) не ограничивается исключительно задачей интерпретации, объясняющей нечто, например, на основе причинно-следственных связей, но такая теория сохраняет следствие объяснения после понимания. На очевидность такого положения указывает тот факт, что в коммуникации активно задействована живая речь с ее разным выражением смыслов – высказанных участниками диалога (или предполагаемых по умолчанию). Наконец, понимание как когнитивную способность человека можно характеризовать исключительно как *делание понятным важные состояния вещей* и называть такое понимание попросту «толкованием». Тем самым понимание и истолкование, рассматриваемые в границах социального мира, будут располагаться последовательно в дискурсе коммуникации. При этом возникновение смысла в последовательных фазах символической интеракции происходит в результате индивидуального переживания. Тем самым мы должны констатировать появления явного когнитивного аспекта в коммуникативной практике и во взаимодействии людей.

Символический интеракционизм и его основные положения

Понятие символической интерактивности в социологической литературе используется довольно широко, и оно многозначно. Укажу лишь фундаментальную линию раздела между чикагской школой (Дж.Г.Мид, Т.Парсонс, Г.Блумер, А.Стросс, Т.Шибутани и др.) и айовской школой социологии (М.Кун, Т.Партленд и др.). Для первой характерен интерес к процессуальным аспектам взаимодействия; в центре внимания вторых – стабильные, «состоявшиеся» символические структуры. Фактором, объединяющим исследовательские интересы этих школ, является усиленное внимание к языку, который они характеризуют как главный символический «медиум» взаимодействия людей в процессе коммуникации.

Представители символического интеракционизма трактуют социальные процессы как направленные на выработку социальных значений, поэтому сущность символической интерактивности описывается ими на языке социально детерминированных понятий. Конечно, они наблюдают за изменениями социальных значений, обнаруживают новые смыслы и констатируют этот факт. Исходя из идеи, что мир имеет полностью социальное происхождение, эти ученые связывают наблюдаемые изменения в области социальных смыслов с преодолением ситуаций взаимодействия, в которые попадают их участники.

В концептуальном смысле это означает введение интерпретации в контекст символического содержания интерактивности. Таким образом, за использованием термина «символическая интерактивность» стоит описание специфики процессов получения смыслов – и этот процесс связан с социальной интерактивностью. Приведу некоторые аргументы.

Получение смыслов в процессе интеракции становится возможным в силу того, что между индивидуумом и действительностью лежит система смыслов, целый мир смыслов, и эти смыслы человек приписывает элементам окружающей среды – как материальным объектам, так и абстрактным идеям. Это позволяет рассматривать отношение между элементами интерактивности как такое взаимоотношение, которое не до конца детерминировано культурой, и которое, тем не менее, оставляет участникам коммуникации возможность достигать взаимопонимания посредством ведения диалога. Наступление взаимопонимания (а согласование смыслов – это и есть условие взаимопонимания) как раз и является исходным пунктом в создании новых смыслов в результате коммуникации.

Интерпретация, осуществляемая в акте коммуникации, отделяет субъекта от коммуникативного символа. Но что такое «коммуникативный символ», каково его участие в создании пространства коммуникации, в границах которого становится возможным взаимопонимание? Дело в том, что коммуникативный символ может быть одновременно элементом «понимаемого контекста», т. е. создавать пространство коммуникации и при этом принадлежать другому участнику диалога или, напротив, он может быть «моментально схваченным» пониманием первого. Поскольку смыслы множественны, можно предположить, что каждый символ так сказать

посредничает между партнерами, не принадлежа исключительно к восприятию кого-то одного из них. Со своей стороны символ, используемый в интерактивном процессе, предстает в форме чего-то взаимно воспринимаемого участниками диалога – символ становится предварительно интерпретированным. Что касается содержания передаваемого смысла, то само оно как раз и становится предметом дальнейшей взаимной интерпретации.

Определяющей идеей этого нашего рассуждения является *идея взаимности*. Скрытый смысл ее раскрывается в случае, когда под интерактивностью понимается некоторое социальное действие, происходящее между индивидами, в пространстве которого они *для самих себя* становятся объектами этого действия. Но для того чтобы один партнер увидел в другом партнере объект (проявил интерес) и придал коммуникации определенный смысл (один понял другого), каждый из партнеров должен позволить другому определить вид поведения, к которому они оба могут прибегнуть. В этом как раз и состоит идея взаимности как условие успешной коммуникации.

Процедура понимания в этом случае взаимосвязанная, и каждый партнер может воспользоваться одними и теми же приемами (аргументированными шагами) в разворачивании содержания обсуждаемой темы диалога. Интересно, что один партнер может воспользоваться смыслами, исходящими от другого участника коммуникации, а тот другой должен приписывать смысл действиям первого. Следствием подобной «взаимности», превращающей интеракцию в социальный акт, является наличие концепции *указаний самому себе* в процессе интеракции, нацеленной на ее последующее развитие. Таким образом, интеракция не является каким-то механическим актом (или социобиологическим) реагированием, типа «раздражитель–реакция», но это сложный интеллектуальный процесс, поэтапно разворачивающаяся во времени и пространстве конструкция. Для субъекта – это акт раскрытия «концепции *указаний самому себе*».

Интерактивная деятельность протекает постепенно, шаг за шагом, по мере разворачивания ситуации диалога, и на каждом этапе взаимного согласования мнений партнеры оценивают ситуацию, ее смысл, демонстрируя то, что она ими вполне осознаваема и понятна.

Безусловно, можно предположить, что символическая интеракция неминуемо приобретает интенциональное измерение. Это происходит потому, что каждый из партнеров стремится к своим целям, действует в силу собственного понимания намерений другой стороны, а также в силу объективных условий, независимых от участников интеракции. В частности, это касается роли культурного контекста коммуникации.

Дело в том, что успешная коммуникация предполагает включение контекста культуры, или *концепции культуры*, которая сформировалась у участников диалога в результате длительного процесса их социализации. Благодаря сложившейся *концепции культуры*, партнеры легко присваивают систему ценностей (смыслов) тех социальных групп, к которым они принадлежат или тех групп, с которыми вступают в коммуникацию.

Конечно, мы не должны предполагать, что человек выстраивает собственную концепцию культуры всякий раз, когда вступает в диалог с другими людьми – вообразить это невозможно, поскольку такой процесс представляется громоздким и для мышления, и для языка. Однако общаясь с представителями других культур и иного языка, мы находим пути для взаимопонимания (например, невербальные способы коммуникации). Даже изучая тексты, относящиеся к эпохам, исторически далеко отстоящим от нас, мы осмысливаем прочитанное, мы способны «вчувствоваться» в содержание текста, в исторический контекст и атмосферу текста и, в конце концов, понимаем его и способны его интерпретировать. Всё это факторы, указывающие на универсальный характер когнитивных способностей человека, одной из которых является способность понимания.

Как нормативность организует и регулирует интеракцию?

Мы выяснили, что важным элементом, корректирующим понимание (и интеракцию), является *социализация*. Интерактивная социология трактует социализацию как законченный процесс, который предшествует и одновременно обуславливает интерпретации, осуществляемые людьми. Так, если человек успешно вводит

в коммуникацию собственную *концепцию культуры*, то это значит, что им усвоены социально-культурные связи. Такой партнер усвоил *нормы* и культурные ценности своей социальной среды (своей социальной группы) и способен адаптировать любой контекст интерпретации в процессе присвоения смыслов, в том числе социального значения.

Существует ли нормативность коммуникативного действия? Подчеркну, что под *нормой* мы не будем понимать отношение человека к тому, что разрешено и дозволено, или называть то, что категорически неприемлемо во взаимоотношении людей. Норму мы рассмотрим только в контексте коммуникативной деятельности.

Изучая нормативные основания индивидуальных действий людей, философы, социологи выделяют два важных аналитических аспекта: нормативную структуру действия и нормативную направленность или ориентацию действия². В понятии нормативной структуры действия содержится объективное измерение смысла этого действия – оно включает в себя культурные нормы и образцы социально значимых действий. Действие при этом получает статус смысла только по отношению к регулирующим его нормам, а норма, в свою очередь, характеризуется значительной продолжительностью. *Социальные действия*, как непосредственно зависящие от выдвигаемых обществом норм, также трактуются как относительно длительные явления, как факт процесса социализации, в результате которого в восприятие индивидуума постепенно, с помощью символических средств (символов мира культуры) вводятся представления о ценностях и нормах, которыми руководствуется социальное окружение.

Нормы и образцы, воспринятые из социального окружения, образуют канву, основу *социального действия*, и эти действия социология описывает в терминах санкционирования, где на первое место выходит понятие *роли*. Поскольку социальная роль рассматривается как полностью находящаяся под действием норм культуры, то и действие, описываемое как социальная роль, «разыгрывается» согласно культурному сценарию. Определенной ценностью при этом обладают те ситуации (назовем их «сценарии действия»),

² См. *Wilson T.P. Normative and Interpretative Paradigms in Sociology // Understanding everyday Life / J.D.Douglas (ed). L., 1974. P. 56–59.*

в которых социальная роль участников интеракции приобретает смысл – ценный для каждого в отдельности (и для целой группы), а также для реализации цели самого этого действия³.

В основе коммуникации, раскрывающей свое социальное значение, лежит принцип разделения общественных ролей, согласно которому участники коммуникативного акта сами выделяют и сами определяют характер ситуации и приходят к очевидным для них выводам. При этом как «ситуации действия», так и практика разделения «ролей» может нести в себе следы длительного исторического процесса становления культуры. Так «ситуация действия» может содержать следы архаической культуры и ассоциироваться с таковой или, напротив, явно не осознаваться. Приведу несколько примеров в подтверждение этой моей мысли.

Так, понятие «круглый стол», используемое в научно-практической жизни исследовательского коллектива, указывает на то, что при обсуждении сложных вопросов и проблем правомерно мнение всех участников, независимо от их положения и звания. Тем не менее «ситуация действия» предполагает главного организатора, который направляет и регулирует ход дискуссии. При этом месторасположение главного лица всегда отвечает характеру его главенства над данной ситуацией – в этом его роль, и она «считывается» правильно всеми присутствующими уже только на том основании, *где* располагается данное лицо (а не только исходя из того, *что* тот говорит).

К слову сказать, месторасположение, выбор места – это всегда действие, которое происходит (срабатывает) на бессознательном уровне: попадая в большой зал или аудиторию, люди стремятся занять места либо непосредственно у стены, либо рядом с выходом (так безопасно). Аналогом стены (защищающей) является спинка стула или кресло с высокой спинкой, которая отгораживает от «чужих» и защищает (что мы и наблюдаем в автобусах дальнего следования и в самолетах).

В результате длительного культурно-исторического процесса происходит адаптация социального действия к смыслам языка, что мы видим на рассматриваемом примере. Так смысл выражений, указывающих, что кто-то «на своем месте» (ему удобно и он в

³ Об этом более подробно см.: Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., 2004. С. 78–86.

безопасности) или, что он «занял кресло», «получил пост» и т. п. – первоначальный архаический смысл этих выражений социально-го действия содержится в них в скрытом виде. Однако социальная роль конкретного лица и ожидаемые действия его всегда нами правильно понимаются. Конечно, указанные выражения утратили свой первоначальный смысл в результате длительного процесса социализации, но получили новое значение. Причем социальная роль здесь приобрела значение культурно значимой ценности, а также характер *нормативно ориентированного действия*. Тем самым нормативность «места» как выражения социальной функции человека присутствует как в нашем восприятии его (в понимании смысла его действий), так и в восприятии людей.

Важный концептуальный вывод, касающийся оценки нормативно ориентированного действия, может быть получен в связи с рассмотрением условий социализации в процессе интеракции. Наряду с нормативным фундаментом интеракции, каковым является нормативная ориентация действия (как в нашем примере), большое значение имеет личностный аспект. Это связано с тем, что каждый человек формирует собственный опыт, приобретаемый в процессе интеракции (коммуникации) со *значимыми Другими*. Общение со значимыми другими оказывается наиболее важным в становлении личности; оно может стать решающим и даже более существенным для личности, нежели любые значительные события биографического плана.

Значимые другие часто оказывают решающее влияние и на течение интеракции. На этой идее настаивают представители концепции «сердцевины личности» (Манфред Кюн⁴ и Гарольд Гарфинкель⁵) – они подчеркивают значение социальной регуляции как исходного знания, которым овладевает субъект. Т. Парсонс идет дальше. Он формулирует концепцию, согласно которой взаимодействия людей в процессе коммуникации – это всегда реализация субъективного подчинения обязательным нормам в отношении определенных ситуаций. Эти сознательные «подчинения» осуществляются в интеракции, когда индивиды «играют» приписываемые им обществом социальные роли.

⁴ Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self Attitudes p. 100 и далее.

⁵ Garfinkel H. Aspekty problemu potocznej wiedzy o strukturach społecznych, tłum. D. Lachowska, w: Fenomenologia i socjologia / Z. Krasnodębski (red.). Warszawa, 1989. S. 193.

Индивид – носитель целой системы социальных ролей (например, руководитель на работе, мама и бабушка – в семье). Роли детерминируют конкретный *образ личности*, а их смена и внутреннее освоение складываются в структуру личности. Социализация и система «ожиданий» формируют личность, это создает относительно длительную диспозицию по отношению к ситуации коммуникации, понимание смысла которой происходит согласно горизонту закреплённых смыслов культурного окружения, вопреки «давления» роли. Комплекс ожиданий, связываемый с социальной ролью, накладывает отпечаток на тип личности и характере человека, что, в свою очередь, отражается на характере коммуникации.

Итак, для успешной коммуникации необходима система совместных смыслов. Они содержатся в культуре, которая детерминирует все индивидуальные интерпретации. Культура здесь понимается как некая *константа*, интерпретируемая в интеракции каждым ее участником. Такая позиция приводит к тому, что коммуникация рассматривается как редукция к воссозданию сценария культуры. В целом это означает, что дальнейший ход исследований в этой сфере предполагает поиск конкретных закономерностей влияния социальных структур на индивида.